

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572.71

В.Г. Моисеев, В.И. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: vmoiseyev@mail.ru

vkhartan@yandex.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

В научный оборот вводятся новые краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Это единственная сейчас краниологическая серия с Крайнего Севера Европы и Зауралья. В результате анализа канонических корреляций 27 групп древнего населения Северной Евразии установлена ее специфичность. Наибольшее сходство отмечено с азиатскими сериями Западной Сибири и Алтая эпохи неолита – раннего железного века. Оставившее могильник население принадлежало к древней протоморфной антропологической общности, отличной как от «классических» монголоидов Восточной Сибири и Центральной Азии, так и от европеоидов Восточной и Западной Европы. Вероятно, основной ареал распространения этой общности в древности включал большую часть тундровой зоны Северной Европы и таежной зоны Приуралья и Зауралья.

Ключевые слова: палеоантропология, краиология, Северная Евразия, Кольский полуостров, эпоха раннего металла, уралоязычные народы.

Введение

Могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря – уникальный археологический памятник эпохи раннего металла в Северной Евразии. Его высокая научная значимость определяется крайне редкой для Заполярья хорошей сохранностью органических материалов: изделий из кости и рога, деревянных конструкций, костных остатков древних людей.

Большой Олений остров находится в северной части Кольского залива, в 6 км к югу от выхода в Баренцево море, отделен от материка Екатерининским островом и двумя неширокими проливами (рис. 1). Его основание сложено гнейсами и гранитами. В некоторых местах имеются отложения гальки и морского песка. Наибольшие песчаные отложения (ок. 1000 м²) находятся в южной части острова, на седловине между двумя гнейсогранитными возвышениями. В этих отложениях и обнаружен могильник.

Археологическое изучение района началось в 1925 г. с открытия Г.Д. Рихтером и С.Ф. Егоровым остатков разрушенного погребения на Большом Оленьем острове [Шмидт, 1930]. Первые раскопки могильника были проведены отрядом Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта в 1928 г. Было обнаружено 11 погребений, сопровождавшихся разнообразным каменным и костяным инвентарем. Результаты работ отражены в серии публикаций А.В. Шмидта и других участников экспедиции [Кольский сборник, 1930], а материалы переданы в этнографический отдел Русского музея. В 1934 г. во время строительства на острове береговых укреплений на месте могильника разрабатывался карьер по добыче песка. В ходе работ военный инженер А.В. Ципленков собрал археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений. Четыре находки он передал в АН СССР, судьба остальной коллекции неизвестна. В 1947–1948 гг. Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Институ-

Рис. 1. Карта-схема расположения Большого Оленевого острова в Кольском заливе Баренцева моря.

тута археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством Н.Н. Гуриной продолжила раскопки на могильнике. Площадь раскопа составила ок. 56 м², было вскрыто 10 погребений [Гурина, 1953]. Материалы переданы в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ РАН) и частично в Мурманский историко-краеведческий музей.

С 1998 г. изучение района возобновлено Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством В.Я. Шумкина. Разведки 1998 и 1999 гг. показали, что могильник вряд ли исследован полностью, а нераскопанные участки разрушаются в результате эрозии. В 2001–2004 гг. было исследовано ок. 120 м² могильника. Обнаружено и изучено девять погребальных камер, из них пять – одиночные, четыре – коллективные. Все погребения сопровождались богатым инвентарем. Коллективные содержали два, четыре, пять и шесть костяков, в т.ч. детские и один – плода. Получено 19 костяков хорошей сохранности индивидуумов разного возраста, более 250 археологических артефактов [Шумкин, Мурашкин, 2003; Мурашкин, Шумкин, 2004; Шумкин и др., 2005; Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006; Мурашкин, 2007].

История изучения антропологических материалов из могильника на Большом Оленьем острове

Первые общие описания очень немногочисленных тогда костных материалов из могильника (раскопки А.В. Шмидта) дал С.Д. Синицын [1930]. Были рассмотрены отдельные характеристики семи костяков взрослых индивидуумов, трех мужских и четырех

женских, причем черепа имелись лишь у четырех (один мужской и три женских). На основании сопоставления небольшого числа признаков, в основном формы черепной коробки, отмечено, «что все костяки из могильника... принадлежат к одной и той же народности», а также «что по форме головы население с Б. Оленьего о-ва было очень близко к современному лопарскому населению этой области» [Там же, с. 182]. Вместе с тем автор подчеркнул: «...вопрос о действительном родстве народностей двух отдаленных одна от другой эпох требует еще очень большого и тщательного изучения и собирания большого материала» [Там же, с. 183].

Монографическое описание черепов из могильника по широкой, близкой к современной, краниологической программе, их сравнительный анализ на фоне известных к тому времени древних и близких к современности серий с территории Евразии выполнены В.П. Якимовым [1953]. Им учитывались уже материалы из раскопок А.В. Шмидта и Н.Н. Гуриной. Автор отметил, что для погребенных «характерно наличие ряда антропологических особенностей, на основании которых они могут быть сближены с представителями большой монголоидной расы» [Там же, с. 459]. К этим особенностям были отнесены широкое, с большим указателем выступания, лицо; довольно значительные величины углов горизонтальной профилировки лицевого скелета; умеренное выступание носовых костей относительно линии профиля. Вместе с тем В.П. Якимов отметил, что по таким показателям, как небольшие высотные размеры лица (абсолютные и относительные), невысокие орбиты, относительно широкий лоб и др., оленеостровские черепа или занимают промежуточное положение между монголоидами и европеоидами, или сближаются с представителями европеоидного расового ствола. При сравнении с близкими к современности материалами автор подчеркнул «неидентичность» черепов «оленеостровцев» и саамов, большее сходство древних обитателей Большого Оленевого острова с ненцами, хантами, манси. Все взятые вместе признаки придают этой серии своеобразный морфологический облик, отличный от антропологических комплексов, характерных для современного населения.

При сравнении с древними краниологическими материалами была отмечена исключительная близость черепов с Большого Оленевого острова и из Луговского могильника ананьинской культуры. В.П. Якимов в крайне осторожной форме допускал возможность рассматривать такое морфологическое сходство как аргумент в пользу теории о продвижении ананьинского населения на запад и северо-запад из районов Поволжья. Впервые эту гипотезу на основании анализа археологических данных высказала М.Е. Фосс [1948], причем она подчеркнула, что окончательное решение вопроса зависит от антропологических материалов.

Рассматривая общую проблему генезиса антропологического типа, представленного черепами из Оленегорского и Луговского могильников, В.П. Якимов привел две гипотезы. Этот антропологический тип мог быть результатом смешения европеоидных и монголоидных элементов, происходившего в зоне их контакта, или являться «особым протомонголоидным вариантом одной из ветвей азиатского расового ствола» [Якимов, 1953, с. 467]. В целом же исследователь заключил, что в силу малочисленности материала затронутые вопросы решены быть не могут и для аргументированного выбора гипотез необходимо накопление новых палеоантропологических данных.

В дальнейшем, после публикации В.П. Якимова, краниологическая серия из могильника на Большом Оленьем острове, к сожалению, на длительное время практически выпала из научного оборота, крайне редко привлекаясь в исследованиях даже в качестве сравнительных материалов. На наш взгляд, выяснение систематического положения этой серии в составе древнего и современного населения севера Восточной Европы может служить ключом к решению многих спорных вопросов древней истории ареала.

Материалы исследования

В результате работ Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2001–2004 гг. на Большом Оленьем острове собрано 16 костяков индивидуумов разного возраста, в т.ч. 13 взрослых. Очевидно, что серия не столь велика, чтобы имеющиеся параметры стали «окончательными», да и могильник еще, по всей вероятности, не исследован полностью. Тем не менее новые данные позволяют уже увереннее судить об антропологических особенностях жителей Кольского полуострова середины – конца II тыс. до н.э. На сегодняшний день по человеческим костям из раскопок В.Я. Шумкина получены следующие абсолютные даты: погр. 12, фрагмент ребра – $3\ 237 \pm 32$ л.н., калиброванные – 1525–1440 (68,2%) и 1610–1420 (95,4%) гг. до н.э.; погр. 13, коленная чашечка – $3\ 195 \pm 39$ л.н., калиброванные – 1500–1430 (68,2%) и 1530–1390 (95,4%) гг. до н.э. (ORAU, Оксфордский университет, Великобритания).

Основу настоящего исследования составляют как опубликованные краниологические материалы из могильника на Большом Оленьем острове [Якимов, 1953], так и новые, поступившие в результате экспедиционных работ Кольской археологической экспедиции в 2001–2004 гг. Все они находятся на хранении в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: коллекции № 4952 (раскопки А.В. Шмидта), 5715 (раскопки Н.Н. Гуриной), 7265 (раскопки В.Я. Шумкина). Антропологические материалы из погр. 13 (раскопки 2002 г.) переданы в Го-

родской историко-краеведческий музей г. Полярный (Мурманская обл.).

Анализ особенностей посткраниальных скелетов выполнен в исследованиях С.Б. Боруцкой и С.В. Васильева [Боруцкая, 2005, 2006; Васильев, Боруцкая, 2006а, б]. Увеличившаяся численность костяков сделала более отчетливым половой диморфизм в серии. В связи с чем костяки № 5715-1, 5715-3 (в публикации В.П. Якимова – женские), с учетом особенностей строения как черепов, так и посткраниальных скелетов, отнесены к мужским. Дополнительно к измерениям В.П. Якимова определены параметры отдельной лобной кости с носовыми костями из раскопок Н.Н. Гуриной – № 5715-2. Краниологические измерения проводились по стандартной для российской антропологической школы программе.

Общая характеристика черепов из могильника на Большом Оленьем острове

Краниологические материалы очень хорошей сохранности, не потребовавшей существенной реставрации перед изучением, даже в области точки *rhinum*. По-видимому, это обусловлено присутствием в грунте мелкодробленых (естественному путем) раковин морских организмов. Черепа характеризуются сравнительно небольшими размерами, средней массивностью или даже часто грациальностью. Мышечный рельеф в большинстве случаев развит слабо. Признаки полового диморфизма иногда имеют противоречивое сочетание.

С увеличением численности краниологической серии несколько изменились отдельные ее характеристики (табл. 1). Уменьшились поперечный диаметр и, соответственно, черепной указатель, оба высотных диаметра – от базиона и от порионов. Лоб по абсолютному размеру стал несколько более узким, но на «фоне» уменьшения поперечного диаметра лобно-поперечный указатель даже возрос. Увеличились длина основания лица и лицевой указатель. Более явно проявилась тенденция к прогнатизму лицевого скелета в альвеолярной части. При «стабильно» очень большом скапуловом диаметре увеличился горизонтальный фацио-церебральный указатель. Уменьшились верхняя высота лица, высота орбиты, носа. Особенностью стала заметна горизонтальная уплощенность лица – увеличились и назомалярный, и зигомаксиллярный углы. В носовой области уменьшились дакриальный и симотический указатели. Угол выступания носа относительно линии профиля практически не изменился в мужской части серии и немного вырос в женской.

Таким образом, серию в целом составляют черепа с очень низкой немассивной черепной коробкой мезобрахиранной формы. Лоб широкий. Лицевой

Таблица 1. Средние показатели черепов из могильника на Большом Оленьем острове

Признак	Мужские					Женские				
	Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной (по: [Якимов, 1953])		Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкина (сум- марные данные)			Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной (по: [Якимов, 1953])		Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкина (сум- марные данные)		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	4	181,3	12	181,2	4,0	4	180,5	8	177,1	4,6
8. Поперечный диаметр	4	150,0	12	146,2	3,7	4	143,3	8	140,8	4,4
8 : 1. Черепной указатель	4	82,4	12	80,7	2,2	4	79,4	8	79,3	3,4
17. Высотный диаметр	4	132,2	12	128,2	4,6	4	126,3	8	123,9	2,4
17 : 1. Высотно-продольный указатель	4	73,0	12	70,8	2,7	4	70,0	8	70,0	1,7
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	4	79,7	12	87,7	3,5	4	80,0	8	88,3	3,8
20. Ушная высота	4	119,5	12	114,4	5,1	4	114,5	7	109,0	1,9
5. Длина основания черепа	4	101,3	12	101,2	4,1	4	96,3	8	95,1	5,4
9. Наименьшая ширина лба	4	101,3	13	100,5	3,5	4	97,0	9	92,4	4,5
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	4	67,5	12	68,8	3,3	4	67,8	8	65,9	4,0
sub. 9. Высота поперечного изгиба лба	—	—	12	19,2	2,4	—	—	9	19,7	2,8
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	—	—	12	137,9	4,3	—	—	8	134,9	2,9
32. Угол профиля лба от п	4	76,5	11	81,0	4,2	4	81,3	6	84,0	5,2
g–m. Угол профиля лба от г	4	69,0	11	72,5	4,9	4	73,3	6	75,8	5,6
40. Длина основания лица	4	101,0	11	103,0	6,3	4	96,8	6	94,7	5,8
40 : 5. Указатель выступания лица	6	99,4	11	102,1	3,4	—	—	6	99,4	4,8
72. Общий лицевой угол	4	84,5	11	84,2	3,1	4	85,3	5	84,6	3,0
73. Средний лицевой угол	4	86,3	11	87,7	2,5	4	88,8	5	88,0	3,3
74. Угол альвеолярной части лица	4	74,8	11	73,3	6,1	4	73,5	5	74,0	2,4
43. Верхняя ширина лица	4	111,5	11	108,4	5,0	4	103,7	7	100,4	3,7
45. Скуловой диаметр	4	145,8	12	143,6	4,7	4	134,8	7	130,6	2,6
45 : 8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	4	97,2	12	98,3	4,1	4	94,1	7	93,3	3,4
46. Средняя ширина лица	4	102,3	11	102,6	4,2	4	97,7	5	94,8	4,4
48. Верхняя высота лица	4	71,5	12	70,2	3,8	4	70,5	7	63,9	4,5
48 : 45. Верхний лицевой указатель	4	49,0	11	49,2	3,4	4	52,3	6	48,1	2,9
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	4	54,0	11	55,1	2,4	4	55,9	7	51,6	3,6
43(1). Биорбитальная ширина	4	101,3	12	101,2	4,2	3	99,0	8	96,0	2,7
sub.n/43(1). Высота п над биорбитальной хордой	4	16,3	12	15,0	1,9	3	14,3	8	14,0	1,9
77. Назомалярный угол	4	144,5	12	147,1	3,5	4	147,7	7	147,1	3,9
zm'–zm'. Зигомаксиллярная ширина	4	101,8	11	100,7	5,3	3	95,0	4	94,5	4,4
sub.ss/zm'–zm'. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	4	23,0	11	19,9	2,4	3	19,7	4	20,1	2,3
<zm'. Зигомаксиллярный угол	4	132,5	11	137,1	4,2	3	135,0	4	134,0	5,6
51. Ширина орбиты от mf	4	44,8	11	43,1	3,7	4	43,5	5	41,8	1,5
52. Высота орбиты	4	36,3	11	33,8	2,1	4	33,5	5	33,4	1,1
52 : 51. Орбитный указатель от mf	4	81,5	11	79,0	7,9	4	77,1	5	80,0	4,5

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
54. Ширина носа	4	25,0	12	25,0	1,2	4	25,3	6	23,7	0,8
55. Высота носа	4	55,3	12	52,2	2,5	4	52,0	5	47,0	3,7
54 : 55. Носовой указатель	4	45,3	12	48,0	3,1	4	48,6	5	50,5	4,6
SC. Симотическая ширина	4	6,1	13	6,2	1,8	4	7,3	9	5,6	1,1
SS. Симотическая высота	4	3,9	13	3,4	0,9	4	3,4	9	2,9	0,6
SS : SC. Симотический указатель	4	68,5	13	59,0	21,4	4	47,0	9	52,8	11,4
DC. Дакриальная ширина	2	21,8	11	21,7	1,6	1	19,4	6	21,3	2,2
DS. Дакриальная высота	2	12,0	11	10,6	0,9	1	8,8	6	9,3	1,1
DS : DC. Дакриальный указатель	2	55,3	11	48,8	4,5	1	45,4	6	43,8	5,2
75. Угол наклона носовых костей	4	66,0	9	63,7	6,3	4	71,0	4	66,3	2,2
75(1). Угол выступания носа	4	18,5	10	18,8	4,0	4	14,3	4	18,0	2,3

скелет скорее низкий, очень широкий, уплощенный в горизонтальном плане на обоих уровнях, мезогнатный, с большим указателем выступания, тенденцией к альвеолярному прогнатизму. Орбиты и грушевидное отверстие низкие. Носовые кости выступают очень умеренно, уплощены в горизонтальном плане. В морфологических комплексах отдельных черепов каких-либо различий, позволяющих предполагать механическую смешанность серии, не наблюдается. Величины квадратических отклонений признаков также не дают оснований для предположения о неоднородности выборки (табл. 1).

Следует подчеркнуть, что в новых данных еще более явно проявились выделенные В.П. Якимовым характерные особенности оленеостровских черепов, определившие специфику морфологического облика данной серии, отличного от антропологических комплексов и древнего, и современного населения Евразии. Напомним, эта специфика выражается в сочетании ряда показателей, сближающих «оленеостровцев» с представителями монголоидного расового ствола, с одной стороны, и признаков, не характерных для «классических» азиатских монголоидов, – с другой. К первым относятся горизонтальная уплощенность лицевого скелета, большая ширина лица, его мезогнатность, умеренное выступание носовых костей и их уплощенность; ко вторым – малая высота лица и орбит, широкий лоб.

Положение серии из могильника на Большом Оленьем острове среди группы древнего населения Северной Евразии

С учетом морфологического своеобразия черепов из могильника, противоречивости сочетания таксономически важных признаков целесообразным представ-

ляется анализ положения серии среди групп древнего населения Северной Евразии с использованием метода канонических корреляций. В качестве сравнительных материалов были привлечены 26 серий, наиболее близких к оленеостровской в хронологическом отношении. В анализ включены выборки хорошей сохранности с числом наблюдений не менее пяти (табл. 2).

Первые два канонических вектора (КВ) отражают более двух третей общей изменчивости (табл. 3). КВ I (50 % общей изменчивости) дифференцирует серии по степени выраженности признаков, традиционно считающихся значимыми для разграничения европеоидных и монголоидных групп. Так, наибольшее значение в данном случае имеют назомаллярный и зигомаксиллярный углы, угол выступания носа, симотический индекс и наименьшая ширина лба; несколько меньшее – высота лица и орбиты, ширина лица, высота черепной коробки. Согласно нагрузкам признаков, черепа с узким лбом и малой высотой черепа, широким и высоким лицом, высокими орбитами отличаются одновременно плоским лицом и слабо выступающими относительно линии профиля носовыми костями.

Европеоидной комбинацией перечисленных показателей, а именно малыми величинами углов горизонтальной профилировки лица, сильным выступлением носа, широкими лобными костями и большим симотическим индексом, характеризуется большинство древних групп Европы. Исключением является лишь серия из Луговского могильника ананьинской культуры и, что особенно важно для обсуждаемой темы, черепа с Большого Оленевого острова, у которых отмечается явно выраженная «восточная» тенденция. Европеоидная комбинация признаков ярко выражена и в большинстве южно-сибирских групп энеолита – раннего железного века, а именно у афанасьевцев, андроновцев и тагарцев. Такой результат хорошо согласуется со сложившимися в отечественной антропологии представлениями

Таблица 2. Древние краинологические серии с территории Северной Евразии, привлеченные для сравнительного анализа

№ п/п	Серия	Источник
<i>Европа</i>		
1	Вовники	Гохман, 1966
2	Ямники Украины	Алексеев, Гохман, 1984а
3	Ямники Поволжья	То же
4	Катакомбники Украины	»
5	Катакомбники Поволжья	»
6	Срубники Украины	»
7	Срубники Поволжья	»
8	Ананьинцы (Луговской могильник)	Алексеев, 1969
<i>Азия</i>		
9	Усть-Иша	Дрёмов, 1980
10	Иткуль	То же
11	Афанасьевцы	Алексеев, Гохман, 1984а
12	Андроновцы	Дрёмов, 1990
13	Окуневцы	Дебец, 1980; Громов, 1997
14	Карасукцы	Рыкушина, 1980; Громов, 1995
15	Тагарцы	Козинцев, 1977; Алексеев, Гохман, 1984а
16	Камень-2	Рыкун, 2001
17	Быстровка-1-3	Шпакова, 2001
18	Саргатцы	Багашев, 2000
19	Серовцы, Ангара	Левин, 1956; Мамонова, 1973
20	Серовцы, Лена	То же
21	Глазковцы, Лена	»
22	Глазковцы, Ангара	»
23	Китойцы, Лена	»
24	Китойцы, Ангара	»
25	Китойцы, Фофаново	Герасимова, 1992
26	Бойсмана-2	Попов, Чикишева, Шпакова, 1997

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и первыми тремя каноническими векторами для 27 краиниологических серий с территории Северной Евразии

Номер признака по Мартину и др.	KB I	KB II	KB III
1	-0,10	0,49	-0,58
8	0,37	-0,42	-0,21
17	-0,54	0,54	0,34
9	-0,81	-0,28	-0,20
45	0,58	-0,00	0,06
48	0,69	0,33	0,15
55	0,48	0,42	-0,08
54	0,14	0,44	-0,23
51	-0,44	-0,69	0,23
52	0,66	-0,12	0,23
77	0,93	0,15	-0,05
Zm	0,96	-0,15	-0,02
SS : SC	-0,83	-0,40	-0,28
75 (1)	-0,92	0,22	0,07
% общей изменчивости	50,0	17,6	7,3

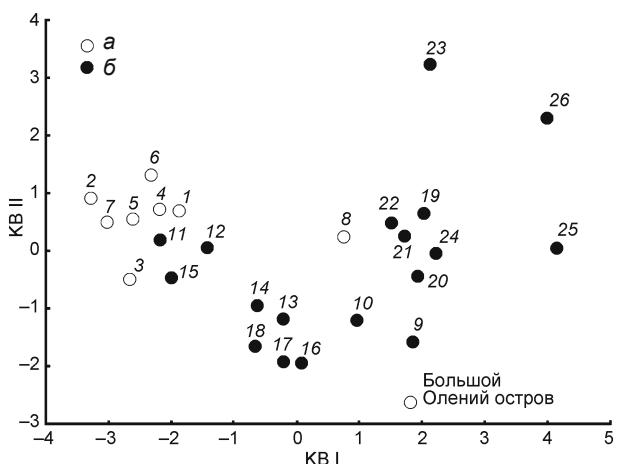

Рис. 2. Положение краниологических серий древнего населения Северной Евразии в пространстве первых двух канонических векторов.

a – серии с территории Европы; *б* – с территории Азии.
Нумерация серий в соответствии с табл. 2.

о древних миграциях европейских и азиатских групп населения, подтверждая мнение о раннем проникновении европеоидных популяций на территорию Южной Сибири, датируемом по крайней мере энеолитическим временем [Алексеев, Гохман, 1984а]. Хотя различия между азиатскими европеоидными и большинством европейских серий в степени выраженности европеоидного комплекса невелики, все же можно отметить, что андроновцы и тагарцы находятся на «восточной» периферии европейского ареала значений КВ I.

Это позволяет предполагать присутствие в их составе небольшой восточной примеси. В еще большей степени «восточная» тенденция выражена у карасукцев, которые лишь немного уступают западно-сибирским группам раннего железного века (рис. 2).

«Восточный» полюс КВ I занимают серия из могильника Бойсмана-2 и китайцы Забайкалья. Они характеризуются крайне большими значениями углов горизонтальной профиляровки, слабым выступанием носа, узкими лобными костями и малым симотиическим индексом. Слабее восточный комплекс признаков выражен у большинства неолитических серий Прибайкалья и особенно у западно-сибирских групп раннего железного века, черепов из Луговского и Оленистровского могильников. Существенно, что величина нагрузок КВ I в серии с Большого Оленьего острова выше, чем в луговской, и сопоставима с таковой в прибайкальских серовских и глазковских, а также в алтайских неолитических из Усть-Иши и Иткуля.

Следует отметить, что промежуточное положение группы в пределах европеоидно-монголоидного вектора может быть обусловлено различными факторами. Оно может свидетельствовать как о метисном европеоидно-монголоидном происхождении, так и о сохранении древней протоморфности. Для решения вопроса, какой из факторов имел место в истории формирования той или иной популяции, следует рассмотреть и другие направления изменчивости. В этом отношении важную информацию содержит КВ II, который отражает ок. 18 % общей изменчивости. Прежде всего он дифференцирует западно-сибирские и алтайские группы, с одной стороны, и восточно-сибирские – с другой. На отрицательном полюсе величин находятся серии раннего железного века из Западной Сибири и неолитические с Алтая, на противоположном – китайцы Лены и серия из могильника Бойсмана-2. Большинство групп прибайкальского неолита занимают промежуточное положение, как и серия из Луговского могильника. Оленистровская группа по нагрузкам КВ II сближается с западно-сибирскими и алтайскими, располагаясь на периферии ареала значений (рис. 2).

Обсуждение

В целом, исходя из расположения групп в пространстве двух первых КВ, можно выделить по крайней мере три различные по своим морфологическим особенностям и, вероятно, происхождению группы древних популяций на территории Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. В первую входят европеоидные серии с территории Европы и Южной Сибири. Вторую составляют монголоидные группы Восточной Сибири и Дальнего Востока, причем центр концентрации монголоидного комплекса признаков находится в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Третья совокупность включает в себя серии раннего железного века из Западной Сибири, неолитические с Алтая и окуневцев. Эти серии демонстрируют специфические черты,

отличающие их от всех остальных, в т.ч. от восточно-сибирских и дальневосточных. Именно с третьей группой наиболее сходны материалы из могильника на Большом Оленьем острове.

Если интерпретация первых двух совокупностей не представляет существенных сложностей, укладывающаяся в привычную дуальную картину европеоидно-монголоидной дифференциации, то состав третьей требует дополнительных пояснений. Выраженное антропологическое сходство географически отдаленных друг от друга групп (окуневцы, саргатцы, серии из Усть-Иши, Иткуля, Оленистровского могильника), конечно, не следует трактовать как свидетельство прямых миграций с юга Западной Сибири, Алтая на Крайний Север Европы или в обратном направлении. Что же может объединять столь различные по своей исторической судьбе древние популяции?

Несмотря на кажущуюся парадоксальность, результаты канонического анализа, на наш взгляд, являются не случайными, а отражают факт сохранения всеми группами, входящими в третью совокупность, черт древней протоморфности. Подчеркнем, что само по себе наличие таких черт вовсе не говорит об обязательном непосредственном родстве популяций, у которых они присутствуют. Например, на сегодняшний день можно предполагать существование в древности на территории Сибири по крайней мере двух общностей с недифференцированными комплексами признаков. К первой относятся прежде всего носители окуневской культуры [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Козинцев, 2004; Громов, 1995]. Это древнее население, видимо, не оставило прямых потомков среди современных популяций. Можно лишь констатировать, что весьма умеренное краинескопическое сходство с окуневцами фиксируется у некоторых жителей Южной Сибири – сагайцев, шорцев [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999].

Вторая общность древних протоморфных популяций, по всей вероятности, была гораздо более многочисленной, географически широко распространенной и донесла свои антропологические черты до современности. Так, среди современного населения арктической (тундра) и субарктической (boreоальян леса) зон Восточной Европы и Западной Сибири по различным системам антропологических признаков выделяется группа популяций, имеющих общие специфические особенности. Она получила названия «антропологическая общность уральского типа», «уральская малая раса» [Алексеев, 1974, Происхождение..., 1965]. Этот антропологический тип распространен прежде всего среди угорских и самодийских народов уральской языковой семьи. В качестве субстратного компонента он встречается и у представителей отдельных финно- и тюркоязычных групп, проживающих в данном регионе. Юг Западной Сибири, северные зоны Алтая

входят в ареал уральской антропологической общности в качестве южной периферии.

Комплекс антропологических характеристик «уральцев» носит весьма специфический характер: по одним они сближаются с современными «классическими» монголоидами Восточной Сибири и Дальнего Востока, по другим тяготеют к европеоидным популяциям. Для объяснения причин возникновения таких противоречивых морфологических особенностей советской антропологической наукой были предложены две гипотезы. Согласно одной, они сформировались в результате смешения европеоидов и монголоидов в зоне их контактов [Дебец, 1961]. По другой гипотезе, это наследие древнейшей антропологической формации, сохраняющей следы того этапа формирования популяционного разнообразия человечества, на котором специфичные для современных европейских и азиатских популяций комплексы признаков еще не сложились [Бунак, 1924, 1956, 1980]. Мозаичный, иногда промежуточный характер сочетания признаков, надежно разделяющих современные монголоидные и европеоидные группы, не является здесь следствием смешения (или, по крайней мере, только смешения), а отражает протоморфность, «недифференцированность» уральского антропологического комплекса по отношению к современным монголоидам и европеоидам. Вплоть до середины 80-х гг. XX в. относительный перевес в дискуссии был скорее на стороне приверженцев метисационной концепции, именно ее разделяло большинство ведущих отечественных антропологов. Однако позже, с введением в научный оборот новых систем антропологических признаков и методов статистического анализа, новых данных по древнему и современному населению Евразии ситуация начала меняться [Алексеев, 1984; Алексеев, Гохман, 1984б; Гохман, 1986; Моисеев, 1999, 2001, 2006а, б; Неолит..., 1997; Хартанович, 2006]. В итоге теория В.В. Бунака об истоках антропологической специфичности уралоязычных народов выглядит все более и более убедительно.

Одной из главных сложностей, с которой сталкивались исследователи при изучении происхождения уралоязычных народов, являлось практически полное отсутствие палеоантропологических материалов с территории предполагаемой уральской прародины, располагавшейся, по лингвистическим данным, в таежной зоне Западной Сибири. Вследствие этого все ретроспективные антропологические реконструкции были основаны на антропологических характеристиках современных жителей данного региона, близких к современности краниологических сериях и, соответственно, носили гипотетический характер. Впервые возможное наличие древнеуральского компонента по палеоантропологическим данным было отмечено у носителей каменской (большереченской) и саргатской

культур западно-сибирской лесостепной зоны раннего железного века [Моисеев, 2006б]. Однако этот компонент присутствовал в их составе лишь в качестве примеси, наряду с древнеевропеоидным [Багашев, 2000; Рыкун, 2001].

Следует отметить, что на основании проведенного анализа древних групп невозможно сделать вывод о принадлежности «оленеостровцев» к той или иной группе недифференцированных популяций, однако, исходя из косвенных обстоятельств – географической близости северных районов Восточной Европы и Приуралья, присутствия представителей уралоязычных народов на территории европейского Севера в настоящее время, – родственные связи населения, оставившего могильник на Большом Оленьем острове, с уральской антропологической общностью можно рассматривать как вполне вероятные.

На данном этапе исследования мы ограничимся констатацией факта наличия у оленеостровских черепов выраженных протоморфных черт и несомненного сходства с рядом древних серий с территории Западной Сибири и Алтая. Необходимо подчеркнуть, что такие особенности в составе древнего населения Европы сейчас достоверно выявлены только в представляемой серии, т.е. у жителей Крайнего Севера континента, заселявших береговую полосу Кольского полуострова начиная с середины II тыс. до н.э. Территория распространения подобного антропологического типа, время и пути его проникновения в Европу пока остаются дискуссионными из-за малочисленности сравнительных палеоантропологических данных. Отметим лишь, что черепа из могильника на Большом Оленьем острове существенно отличаются от известных мезонеолитических краниологических материалов из могильников на Южном Оленьем острове в Онежском озере (Карелия), Звейниеки (Латвия), Дудка (Польша) [Хартанович, 2006].

В заключение целесообразно коснуться еще одной темы, связанной с проблемой происхождения древнего и современного населения Фенноскандии. Как мы помним, В.П. Якимов указал на общее морфологическое сходство черепов с Большого Оленьего острова и из Луговского могильника ананьинской культуры, что рассматривалось как главный аргумент в пользу гипотезы о продвижении ананьинского населения на Крайний Север Европы и участии в качестве основного элемента в этногенезе саамов. По результатам выполненного нами анализа черепа из Оленеостровского и Луговского могильников различаются вполне отчетливо. Первые демонстрируют значительное антропологическое своеобразие, вторые занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными сериями. Костяки из могильника на Большом Оленьем острове древнее луговских почти на тысячу лет. Таким образом, антропологические данные сейчас не могут

служить аргументом в пользу гипотезы об участии носителей ананьинской культуры в генезисе населения Кольского полуострова эпохи раннего металла. Заключение В.П. Якимова о близости характеристик черепов из Оленинско-Луговского могильника остается справедливым в общей констатации присутствия в этих двух группах населения Европы выраженных «восточных» особенностей. Увеличение численности материалов с севера Кольского полуострова, пополнение сравнительных данных по территории Евразии в целом позволяет детализировать генезис таких особенностей. По всей вероятности, они были различны по своему происхождению.

Выводы

Таким образом, в краинологической серии из могильника на Большом Оленем острове в Кольском заливе Баренцева моря следов механической смешанности не наблюдается. Антропологическая характеристика «оленеостровцев» показывает их специфичность на фоне древнего населения севера Евразии при тяготении к азиатским популяциям Западной Сибири и Алтая. Вероятно, такое сходство следует объяснять их принадлежностью к древней протоморфной антропологической общности, отличной от «классических» монголоидов Восточной Сибири и Центральной Азии. По-видимому, основной ареал распространения этой общности, начиная по крайней мере с эпохи раннего металла, включал большую часть тундровой зоны Северной Европы и таежной зоны Приуралья и Зауралья.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** География человеческих рас. – М.: Мысль, 1974. – 352 с.
- Алексеев В.П.** Физические особенности мезолитического и ранненеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 28–36.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984а. – 208 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Результаты экспертизы надежности краинометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем остроге Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984б. – С. 155–158.
- Багашев А.Н.** Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.
- Боруцкая С.Б.** Палеопатология поздненеолитического могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Вестн. антропологии. – 2005. – Вып. 12. – С. 98–105.
- Боруцкая С.Б.** Остеометрический анализ скелетов могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Научный альманах кафедры антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2006. – Вып. 4. – С. 120–133.
- Бунак В.В.** Антропологический тип черемис // Рус. антропол. журн. – 1924. – Т. 13, № 3/4. – С. 137–177.
- Бунак В.В.** Человеческие расы и пути их образования // СЭ. – 1956. – № 1. – С. 86–104.
- Бунак В.В.** Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.** Реконструкция физического типа и стрессовых влияний на население, оставившее могильник на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006а. – С. 376–381.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.** Анализ морфологического типа, физических нагрузок и палеопатологий поздненеолитического населения севера Кольского полуострова // II Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург: Ханты-Мансийск: Чароид, 2006б. – С. 45–46.
- Герасимова М.М.** Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 97–111.
- Гохман И.И.** Население Украины в эпоху мезолита и неолита: антропологический очерк. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
- Гохман И.И.** Антропологические особенности древнего населения севера Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 216–222.
- Громов А.В.** Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 130–150.
- Громов А.В.** Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997. – С. 301–345.
- Гурина Н.Н.** Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. – 1953. – № 39. – С. 347–407.
- Дебец Г.Ф.** О путях заселения северной полосы русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. – 1961. – № 6. – С. 52–69.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология окуневской культуры // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 7–8.
- Дрёмов В.А.** Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–46.
- Дрёмов В.А.** Антропологический состав населения андроновской и андроницкой культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1990. – Вып. 2. – С. 56–62.
- Козинцев А.Г.** Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 145 с.

Козинцев А.Г. Кеты, уральцы, «американоиды»: Интеграция краинологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.

Кольский сборник: Материалы комиссий экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Вып. 23. – С. 184 с.

Левин М.Г. Антропологические материалы из Верхоленского могильника // ТИЭ. – 1956. – Т. 33. – С. 299–339.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 18–28.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краинологии. – СПб.: Наука, 1999. – 133 с.

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 154–159.

Моисеев В.Г. Краинологическая характеристика населения Западной и Южной Сибири скифского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006а. – № 1. – С. 145–152.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по антропологическим данным: результаты межсистемного анализа // II Северный археологический конгресс: докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006б. – С. 240–263.

Мурашкин А.И. Костяной и роговой инвентарь могильника Большого Оленевого острова в Кольском заливе Баренцева моря (по раскопкам 2002–2004 гг.) // Кольский сборник. – СПб.: Элексис Принт, 2007. – С. 192–220.

Мурашкин А.И., Шумкин В.Я. Новые предметы древнего искусства из могильника Большого Оленевого острова в Баренцевом море // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: мат-лы темат. науч. конф. – СПб., 2004. – С. 97–101.

Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология сафырских стоянок) – М.: Науч. мир, 1997. – 190 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 95 с.

Происхождение и этническая история русского народа (по антропологическим данным). – М.: Наука, 1965. – 415 с. – (ТИЭ; т. 88).

Рыкун М.П. К вопросу о происхождении населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Камень-2) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2001. – С. 301–303.

Рыкушина Г.В. Население среднего Енисея в карасукскую эпоху (краинологический очерк) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 47–63.

Синицын С.Д. Костные остатки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР. – 1930. – Вып. 23. – С. 181–183.

Фосс М.Е. Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии до нашей эры // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 23–35.

Хартанович В.И. О «лапониности» на Севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленевого острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленевого острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006. – С. 143–156.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: Материалы комиссий экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР. – 1930. – Вып. 23. – С. 119–169.

Шпакова М.В. Краинологические особенности мужских серий могильного комплекса Быстровка и их статистический анализ // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 176–180.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – 2006. – № 1. – С. 42–52.

Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археологические вести. – 2003. – Вып. 10. – С. 26–30.

Шумкин В.Я., Сапелко Т.В., Лудикова А.Н., Мурашкин А.И. Комплексное исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // Квартер 2005: IV Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – Сыктывкар: Геопринт. – 2005. – С. 470–471.

Якимов В.П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 15. – С. 449–485.

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral Relatives of American Indians Among the Bronze Age Populations of Siberia? // Am. J. of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108. – P. 193–204.